

Олеся Алексеева

ИСТОРИЯ ЖИВОПИСНОГО ПОХИЩЕНИЯ

Олеся Алексеева

История живописного похищения

«Автор»

2026

Алексеева О.

История живописного похищения / О. Алексеева — «Автор»,
2026

Ох, никогда не стоит заходить в неизвестные двери. Вдруг там что-то совсем неизвестное? Но уж, если зашел, будь осторожен! Подростки брат и сестра, живущие в будущем времени, но которым было суждено против воли попасть в прошлое. Но в живописное прошлое! В мир неожиданно оживших живописных картин художников, где все картины причудливо переплетены и соединены в единый мир. В нем-то и предстоят героям опасные фантастические приключения, доведшие их до логова Дива. А такая встреча не сулит ничего хорошего. Див, на протяжении 300 лет, похищавший картины из музеев по всему миру, имеет коварные планы не только на культуру, но и на жизнь всего человечества. Но всегда найдется герой, способный этим планам помешать. Книга о дружбе, любви и коварстве, предлагающая не только фантастическое путешествие по картинам, но и незаурядное знакомство с полотнами русских художников.

© Алексеева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олеся Алексеева

История живописного похищения

Глава 1

Похищение в Третьяковской галерее.

Пролог

Все истории на свете имеют свою судьбу. Они, как и все живое в нашем мире, рождаются, живут и потом уходят. Истории всегда куда-то уходят. Однако, как правило, через много лет их вновь откапывают из небытия бородатые историки. Они вглядываются в них большими грустными очками и пытаются понять, где у истории начало, а где конец. А все потому, что истории очень капризны. Мелькнут то тут, то там и все время меняют свое направление. Путают следы. Но эта путаная история уж точно оставила свой впечатляющий след для двух московских ребят: Даши и ее брата Тимки. Почему эта история выбрала именно их трудно сказать. Одно знаю точно: история выбирает только тех, кто сможет с нею справиться; выпутаться из нее и приобрести для себя что-то очень важное!

В огромном зале Главного Компьютерного Центра было темно и душно. На экране гигантского компьютера, похожего на надувшийся парус, чернела расчерченная сетка. Она, словно сеть рыбака, поймавшая улов, затягивала все туже и туже многочисленные изображения. Изображениями были живописные полотна художников. Но это были не просто изображения - картины были живые! Персонажи картин предпринимали попытки освободиться от сетей, но каждый квадрат сетки обладал магическим свойством зловещей черной дыры: все, что в нее попадало уже не способно было вырваться за ее границы. Под отчаянными попытками персонажей, пытающихся спастись бегством, каждый квадрат сетки надувался, как пузырь; по его стенкам пробегала нервная цифровая рябь, искажая изображения, и персонажи попадали в магнитное силовое поле. Мощной магнитной волной каждого беглеца резко отбрасывало назад в глубь картины. В картинах царил хаос и паника. Их возгласы приглушали магнитные пузыри...

И тут прозвучал низкий бас невидимого владельца компьютера-рыбака:

– Зачем они это делают? Это бесполезно. Только мою энергию зря тратят.

– Господин, - раздался женский голос, - я нашла мальчишку, которого вы искали.

– Тебе понадобилось на это совсем немного времени. Всего 100 лет, – съязвил бас. –

Приведи его ко мне.

– Есть проблема, – с неуверенностью начал женский голос. – Поскольку он из другого мира и магнитные поля...

– Это не моя проблема. Это твоя! – резко оборвал бас.

Однако, мой юный читатель, как ты успел заметить, этот диалог не похож на начало истории. И ты прав. Так с чего же началась эта невероятная история?

А началась эта история в самой обычной московской квартире самым обычным летним днем. Впрочем, день был не совсем обычный. Да и происходили эти невероятные события не сегодня и не в прошлом времени, а в будущем! Тут, конечно, ты можешь усомниться: если история происходила в будущем, а будущее еще не наступило, то, как она могла происходить? Соглашусь с тобой – все это очень странно. Но странностей в нашей истории будет предостаточно, поэтому предоставим истории время. Время покажет. А оно, как известно, все время что-нибудь да показывает.

Тринадцатилетняя Даша проснулась в своей кровати от солнечного зайчика, что щекотал кончик ее вздернутого носа. Даша была красивой девочкой, как фарфоровая куколка, и она это знала. И еще она была уверена, что красоту можно приобрести, стоит только прочесть про какую-нибудь принцессу Покахонтас или Елену Троянскую и представить себя на их месте, как тут же их красота становилась и твоей. Поэтому Даша с жадностью читала истории, легенды и сказки. Она даже тайком читала папины научные журналы, что в беспорядке были разбросаны по всему дому, но не находила там никаких принцесс и наука ей от этого казалась неправдоподобной. А чтобы лучше представлять себе, что она настоящая красавица, она отрастила себе невероятной длины пышную косу, которой очень гордилась. Ни у кого такой косы не было во всей школе. Да что там говорить – во всем городе!

И так, Даша проснулась от солнечного зайчика. Сквозь тонкую оконную занавеску, украшенную белыми горошинами, уже сутился город прозрачный и звонкий после теплого летнего дождя; с лазоревым небом и ласточками, которые проворно ныряли в кудрявые облака и, казалось, что они прошивали их тоненькими черными стежками, будто шили большое небесное одеяло из белых барашков. Даша решила посчитать всех барашков, но сбилась на пятнадцатом и ей это сразу надоело. Да и часы, что висели над ее кроватью, показывали уже половину десятого утра.

– Пора вставать, – сказала Даша.

История уже началась! Но Даша этого еще не знала. Пока она лишь сунула свои ноги в пушистые оранжевые тапочки с ушками и, сделав шаг, чуть не упала – тапочки были приклеены к полу.

– Не остроумно нисколько, – недовольно сказала Даша и пошла босиком к шкафу.

Подозревая следующий подвох, Даша остановилась в нерешительности у шкафа. Но было совершенно бессмысленно стоять, сложа руки, и смотреть на свое отражение в зеркале дверцы. Даша подумала, что так она выглядит очень глупо, а дверца, наоборот, выглядит умно, потому что она не собиралась открываться сама. И Даша открыла дверцу. Она совсем не удивилась, когда из шкафа посыпались водопадом самые разнообразные вещи: расчески, старые сумки, кепки, игрушки и пустые пластиковые бутылки.

– И это нисколько не смешно! – проворчала Даша и приготовилась терпеливо ждать, когда вещепад закончится. Он, конечно же, закончился. Тогда Даша достала, наконец, из шкафа свою любимую желтую блузку и джинсы и направилась к двери. Выглянув и убедившись, что никого нет, быстро прошмыгнула в ванную комнату.

Как любая прилежная девочка по утрам она чистила зубы, но в это утро привычкам пришлось изменить: на щетку вместо пасты брызнула черно-бурая жижа. Даша воскликнула:

– Гуталин!?! Я не хочу чистить зубы гуталином! Разве мои зубы похожи на ботинки? Ну, Тимка!..

А в это время на кухне уже собралась вся большая семья. Но здесь мы немного слукавили: семья была совсем небольшая. Можно сказать даже совсем маленькая. Даша еще не появилась на кухне и потому тут можно было увидеть только папу, десятилетнего брата Тимку и робота-няньку Геннадия, который был и поваром, и нянькой, и домработницей. Мама у семьи не было. Она очень давно умерла. Потому Геннадий хозяйничал на кухне. Блестящий и гладкий, похожий на смесь вертолета и шкафа, он обычно то и дело сновал вдоль стола, спешив угодить всем членам семьи. Ну, робот как робот, ничего особенного. А вот стол! Ему следует уделить особое внимание. Стол был невероятно большим и невероятно затейливой формы. Он походил на гигантскую черную льдину! И это был единственный предмет на просторной кухне. Вся кухонная техника была встроена в стол и подчинялась не менее затейливой комбинации сенсорных кнопок, расположенных на его столешнице. Столом можно было управлять даже по телефону. Внутри стола были плита; горизонтальный холодильник с прозрачной дверцей, напоминавшей разноцветную витрину продовольственного магазина; были и шкафы для

посуды; и хлебопечка, что выпекала круглые румяные булочки и выстреливала ими каждые десять минут в большое блюдо, стоявшее рядом. Раковины не было. Посуду, овощи и фрукты стол мыл сам где-то глубоко в своих недрах. Все это было спрятано внутрь стола и предлагало свои услуги только по команде, если, конечно, знать какие кнопки при этом надо нажимать. А над безупречно гладкой поверхностью стола-льдины возвышались лишь горделивые с тонкими лебедиными шеями черные краники для воды, молока и сока, они тоже подчинялись только кнопкам. Передвигаться по кухне можно было исключительно на автокреслах в специальных прорезях-дорожках внутри стола, как по лабиринту. Всего лишь надо набрать комбинацию кнопок на подлокотнике кресла и передвижение по кухне могло превратиться в настоящие гонки! В них частенько участвовали брат с сестрой, чем сильно раздражали папу и беспокоили робота Геннадия. В общем, не стол, а мечта для любой кухни. Будущего времени, конечно. Но этой кухне не надо было мечтать, у нее уже был такой стол.

Тимка, сидел за столом в одном тапке и болтал ногами. Непослушная шевелюра золотистых волос задиристо торчала в разные стороны, а живые, сверлящие все вокруг глаза, поджидали сестру, изредка поглядывая на дверь. Перед Тимкой лежали акварельные краски и раскрытый блокнот. Он всегда носил его с собой. На листе блокнота уже красовался ярко-зеленый смешной человечек с четырьмя ногами, а может и руками, трудно было понять. Да и вряд ли Тимка сам понимал кого он нарисовал. У человечка совсем отсутствовало туловище: из круглой головы с огромными печальными глазами сразу росли ного-руки. Тимка макал кисточку прямо в тарелку с молоком и хлопьями и дорисовывал своего человечка уже нежно-салатовым цветом. А когда молока в тарелке оставалось мало, Тимка подливал его из краника, услужливо торчащего рядом. Папа, сидевший в другом конце кухни, и невидящий Тимкиных проказ, нажав кнопку микрофона на столешнице, меланхолично произнес:

– Яичница с беконом. Кофе.

Робот Геннадий тут же отделился от ниши в стене – он был встроен туда, словно пазл – и проворно покатился по дорожкам в столе к месту, где была плита.

Надо сказать, что семья была не очень дружная, даже скажем так: совсем не дружная. Они редко видели друг друга и встречались только на этой кухне. Папа всегда был занят своей научной работой; часто обещал детям сводить их куда-нибудь и, как правило, не выполнял свои обещания. Тимка всегда ходил со своим блокнотом, в котором рисовал для себя новых друзей, и туда же записывал свои мысли. Мысли были его красочными сценариями: как можно больше и остроумней насолить своей сестре Даше. А Даша практически никогда не поднимала головы от своего новенького мобильного телефона модной круглой формы. В этом телефоне была вся ее жизнь: и книги, и фильмы, и подружки. А вот и она сама.

Торжественно въезжая на автокресле на кухню, Даша буркнула короткое: «Всем привет» и покатила к своему месту, не отрываясь от экрана телефона, – она переписывалась с подружкой Машкой. На экране выпрыгнуло сообщение:

– Поехали в воскресенье с нами на дачу?

Даша ответила смайликом, который выражал тоску.

– Там будет Пашка! – смайлик от Машки выразил восторг.

Даша отправила смайлика, который отвернулся и ушел за границу экрана.

– Ты опять будешь все лето свои книжки читать? Так замуж никогда не выйдешь, – смайлик Машки затрясся от смеха и потом лопнул.

Даша ответила смайликом, которого тошнит.

– Как прошло умывание зубов? – ехидно обратился Тимка к сестре, проезжающей мимо.

Даша презрительно посмотрела на брата:

– Когда ты шутишь, я начинаю подозревать, что у тебя совсем отсутствует чувство юмора.

Даша остановила свое кресло и, нажав кнопку на столе, стала ждать, когда на поверхность выскочит ваза с фруктами и поедет к ней. Затем, нажав другую кнопку, стала наблюдать, как

из столешницы выплыл кофейник, в нем уже весело закипал кофе. Другая нажатая кнопка оживила выскочившую чашечку, и та, проворно скользя по гладкой поверхности стола, словно маленькая фигуристка в белом платье, помчалась встречаться с кофейником.

Папа, сухо заметил Даше:

– Не рановато ли тебе пить кофе?

– Почему рановато? Уже десять утра, – так же равнодушно ответила Даша.

– А ты почему в одном тапке? – обратился папа к Тимке, увидевший один тапок на Тимкиной ноге через камеру наблюдения, укрепленную под столом, и транслировавшей все, что там происходит на маленький экран возле папиной тарелки.

– Дашка, второй украла.

– Зачем мне твой дурацкий тапок? – быстро отреагировала Даша, нарезая дольки яблока прямо в чашку с кофе. – Да и тебе он не нужен. У тебя все равно обе ноги левые.

– А у тебя обе ноги глупые. Вот если бы хотя бы одна была умной, ты бы не бросила хореографическую школу.

– Даже одна моя глупая нога длиннее, чем два твоих коротких остроумия.

– Ваши длинные языки мешают всем завтракать, – не выдержал папа.

Даша хотела налить из краника молоко в чашку, но краник не отозвался. Он огорченно булькнул и не дал молока.

– У нас закончилось молоко? – недовольно, глядя на краник, спросила Даша.

– Будет тебе сейчас молоко... – еле слышно прошептал Тимка и с таинственным видом стал набирать какую-то комбинацию кнопок на столе. После чего Геннадий бросился к холодильнику, достал бутылочку молока и поехал к Даше. Даша, ожидая прибытия молока, величественно поглядывала на Тимку. Но Геннадий вместо того, чтобы налить молока Даше в чашку, вылил содержимое бутылочки ей на голову.

– Дурак! Дурацкий лилипут! – закричала Даша, бросив на Тимку гневный взгляд.

Папа, давно уже привыкший к ежедневным ссорам детей и никогда не принимавший в них участия, смотрел новости и лениво дожевывал свой бекон. Телевизор, на который устремил свой уставший взор папа, тоже обладал своими особенностями: он мгновенно проявлялся голографическим изображением (после нажатия кнопок, конечно) прямо в воздухе над столом. Вдруг на экране появился диктор и встревоженным голосом объявил:

– По данным Агентства по защите Искусства вновь возобновились варварские атаки на художественные музеи и галереи. В ночь на четверг неизвестные злоумышленники закрасили серой краской картины сразу в нескольких музеях. На протяжении уже ста лет эти атаки проявляются в разных странах мира. Но преступников так и не удается найти. Многие галереи заменили картины на изображения на плазмах. Галереи, которые остались преданными классической живописи, находятся в группе риска. Общество возмущено бездействием властей. Созданный консилиум по...

Папа выключил экран телевизора и произнес голосом, не терпящим никаких возражений:

– Пока не все еще картины закрасили, я для вас приобрел абонемент на экскурсии в Третьяковскую галерею, – и с грустью добавил, – единственный музей, где еще висят настоящие картины. В остальных – только плазма.

– Но ты же обещал, что мы пойдем в аквапарк! – возмутился Тимка и обиженно надулся.

– У меня много дел, да и вы чем-нибудь полезным займетесь, а то одичаете совсем, – сказал папа, с опаской поглядывая, как Тимка надувается еще больше. – Геннадий вас отвезет.

– Но ты обещал аквапарк! – не унимался Тимка.

– Туда лилипутов не пускают. От них пузырей слишком много, – съязвила Даша, и тут же в ответ Тимка запустил в сестру пакетиком хлопьев, успев набрать на телефоне заветные кнопки. Долетев до Даши, пакетик салютом взорвался над ее головой. И, конечно же, хлопья, прилипнув, украсили ее мокрые волосы.

– Ну, сейчас ты у меня получишь, дурацкий лилипут!

И Даша ринулась на автокресле в сторону Тимки. Но не тут-то было. Тимка неплохо управлял своим кухонным транспортным средством. Хорошая ежедневная боевая подготовка в войне с сестрой давала свои результаты. С криками: «Я Джеки Чан» он бойко удирал от Даши на своем автокресле по лабиринту дорожек в кухонном столе.

– Сейчас ты будешь Джеки в чане. – Даша на ходу набрала свою комбинацию кнопок на телефоне, и Геннадий, схватив кастрюлю с водой, бросился за Тимкой. Так они долго бы гоняли по привычному плацдарму для своих состязаний, если бы папа не нажал тревожную красную кнопку. Кресла резко затормозили. Геннадий врезался в Тимкино кресло и завертелся веретеном на месте. Тимка вылетел с кухни в проем двери. А Даша врезалась в Геннадия. Она была снова облита, теперь уже водой.

– Очень мило. Выходные испорчены, – раздраженно сказала Даша.

А Тимка уже бежал собирать свой рюкзачок. Хотя и не особенно-то хотелось идти в галерею, но собираться надо, а Тимка никогда и никуда не выходил без своего бывалого рюкзачка. Его комната была вся завалена самыми разнообразными предметами: полезными и не очень. Ему казалось, что все пригодится рано или поздно. И к тому же он был уверен, что каждый предмет имеет свою силу, а к силе он относился уважительно. Его рюкзак с растянутыми кармашками и ремешками, что, безусловно, свидетельствовало о его долгом и верном служении, уже ждал возле стола. В распахнутый рюкзак полетели фонарь, бутылка воды, и почему-то ножницы. Туда же отправились и две летающие пластиковые тарелочки. Ну, и конечно, блокнот – его верный спутник. Россыпью залетели в рюкзак и фломастеры с карандашами.

Геннадий уже ждал детей в машине у подъезда дома. Даша с Тимкой плюхнулись на заднее сидение автомобиля и враждебно отвернулись друг от друга, глядя в окна. Москва за окном весело замелькала бульварами, цветными крышами, которые только что помыл летний дождь, и гуляющими с колясками бабушками. Машина катила по дороге. Но по какой дороге? Автомобильных дорог и вовсе не было в этой будущей Москве. Вместо, привычных нам дорог, между домами и над ними тянулись стеклянные тоннели. Как гигантские медицинские колбы, сверкающие на солнце, они скручивались в сложные узлы-развязки; перелетали изогнутыми арками над домами и разбегались в разные стороны прозрачными лучами на многие километры. А внутри тоннелей стремительно мчались машины, словно разноцветные леденцы. Машины не имели колес, но имели форму леденца. Может именно поэтому они так быстро скользили леденцами внутри стеклянных тоннелей? Вся городская реклама была размещена на стенках стеклянного тоннеля. Она мгновенно проявлялась на стекле, как только приближался автомобиль, и мчалась рядом с ним с той же скоростью, настойчиво показывая какой-нибудь новый товар или услугу. И что самое удивительное – реклама сама решала, кому какую из своих рекламных историй показывать. Умные компьютеры уже давно рассчитывали сами кому и что нужно продать. И надо сказать, очень успешно. Вот и сейчас рядом с автомобилем, в котором ехали наши угрюмые герои, что явно говорило о плохом настроении, рядом скользила реклама, на которой сверкнула гигантская белоснежная улыбка. Под улыбкой замелькали буквы: «Растяжка улыбок. Недорого». Даша фыркнула и отвернулась от окна. Она стала наблюдать, как Тимка вываливал все содержимое своего рюкзака на сидение, ища свою кепку.

– Опять свое барахло с собой тащишь? Ты бы с ним и плавать, наверное, пошел.

– С такой сестрой как ты, я всегда должен быть вооружен, – весело отозвался Тимка и, наконец, нашел свою кепку.

– И это правильно, – прошептала Даша.

Она наклонилась и сделала вид, будто что-то поправляет на своих туфельках, но сама незаметно и ловко связала шнурки на Тимкиных кроссовках. У ног Тимки Даша заметила упавший блокнот, а на раскрытой страничке увидела зеленого человека.

– И что это у тебя за уродец? – спросила Даша, подняв блокнот.

- Это твой будущий муж, – ответил Тимка и выхватил свое сокровище.
- А я даже боюсь себе представить, какая у тебя жена будет.
- Да что ты вообще можешь представлять? У тебя же воображения нет.
- Лучше не иметь воображения совсем, чем иметь такое как у тебя... дурацкое воображение.
- Художника каждый обидеть может, – недовольно отозвался Тимка. – Даже две глупые ноги.

А машина уже подъезжала к зданию Третьяковской галереи. Стекланный тоннель заканчивался у самого входа, словно атаковал здание музея, будто объявлял миру: «Искусство искусством, а технологии важнее». У входа в музей толпились машины, дети, родители и разноцветные гости столицы. Из скрытых динамиков заливисто лился щебет птиц. Птицы отказывались селиться в колбах, потому их голоса записали и поместили в динамики. Машина с нашими героями мягко остановилась. Двери бесшумно открылись. Даша гордо вышла из машины, а Тимка, со связанными шнурками на кроссовках, плюхнулся со своим рюкзаком прямо на пол тоннеля. Он увидел в отражении стекла свое глупое выражение лица. Тимка от злости стиснул зубы:

- Ну, Дашка... ну, погоди!
- В древности такой мультфильм был с волком-недоучкой, – удаляясь, злорадно ответила Даша.

Посещение Третьяковской Галереи очень полезно детям – так считают все взрослые. Считают ли так сами дети неизвестно, но именно в этой истории нам и предстоит это узнать. А узнавать что-нибудь новое всегда увлекательно. Взрослые, когда узнают что-то новое, обычно хлопают себя по коленям и вскрикивают: «Ну, я так и знал!» Дети же – совсем другое дело. Они собирают знания в свои копилки, а копилки прячут в тайники. Про тайники, правда, частенько забывают, и когда снова находят, необыкновенно удивляются. Иногда эти тайники находят случайно и взрослые, а найдя, опять вскрикивают: «Я так и знал!» Поэтому трудно сказать, кто удивляется больше найденному взрослые или дети.

Один из самых больших тайников знаний по изобразительному искусству – Третьяковская галерея! Сокровенные знания вот уже 300 лет охраняют молчаливые залы. И уж такую копилку знаний довольно сложно потерять. Каждое произведение имеет свою историю, иногда совсем неожиданную. Как, например, картина «Три богатыря» Виктора Васнецова. Все считают, что он нарисовал выдуманных, сказочных героев. Кто это сказал теперь уже не узнать, но сегодня точно можно сказать, что это неправда. Богатырь Илья Муромец вовсе не выдуманный, а самый что ни на есть настоящий. Художник его случайно встретил на улице в Москве и был весьма поражен его небывалым ростом и мощью. А был это самый обыкновенный крестьянин, и имя у него было обыкновенное – Иван Петров. Вот художник и пригласил его позировать. Но самое интересное, что художник и себя запечатлел на полотне в образе этого богатыря Ильи Муромца, сделав его портрет схожим со своим.

А картина «Три медведя»? Уж эта всем известная картина художника Ивана Шишкина. Но ради правды нужно сказать, что это название люди сами придумали. А картина называется «Утро в сосновом лесу». И мишек на картине не три, а целых четыре. Почему произошла такая путаница? Так случилось, что четыре мишки просто не уместились на фантике для конфеты «Мишка косолапый», на котором решили много-много лет назад изобразить эту картину, поэтому оставили только трех медвежат. Потом, конечно, исправили эту ошибку и изобразили уже четырех медвежат. Но память о трех медвежатах жива до сих пор. Однако мы заболтались. Так мы потеряем наших героев. Где же они?

А наши герои уже стояли у касс. Тимка, как всегда, что-то запихивал в рюкзак. Это были купленные им открытки с картинами русских художников. Робот Геннадий передал детей девушке-гиду на высоких каблуках и с увесистым музейным гаджетом на поясе. Электронной

ручкой она поставила какие-то точки (видимо, это была подпись) на пластиковом листке, что торжественно выехал из груди робота. После чего Геннадий бесшумно уехал. Оглядев недовольно Дашу и Тимку, девушка-гид поняла, что день будет сложным. Она старательно выдавила из себя для них сладкую улыбку, но Даша с Тимкой ничего выдавливать из себя не стали. Детишки разного возраста нетерпеливо топтались возле гида. Их надо было пересчитать по разноцветным кепкам и бантикам, и направиться в залы галереи.

О, храм искусств! Все здесь было волшебным! Изящные скульптуры таинственно белели своей каменной бледностью. На стенах висели работы с графикой, выполненные – подумать только! – на настоящей бумаге, местами красиво потертой неумолимым временем. Висели и картины в тяжелых позолоченных рамах, большие и совсем крошечные. И картины были написаны настоящими красками! Ничего этого на плазме не увидишь, но люди почему-то больше любят смотреть на плазму.

Топоча разноцветными ботинками, туфельками и кроссовками, детишки прошли мимо старушки-смотрительницы, что мирно дремала на стуле с пакетиком Ммдемс в руках. Тимка задержался. Достав из рюкзака листик бумаги, он свернул его кулечком, надул и громко хлопнул над головой старушки. Как и следовало ожидать, от Тимкиной выходки старушка выпучила глаза и всплеснула руками, а разноцветные шарики конфет шумно рассыпались по полу. «Ну вот, началось!» – подумала девушка-гид и враждебно глянула на Тимку. Ее палец с красным ноготком предупредительно постучал по гаджету на поясе, там мигала зловещая надпись «Смотритель прядка». Тимка тут же принял вид послушного мальчика и пошел за группой ребят. Но, когда группа остановилась у картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», Тимка забыл о повиновении. Гид только достала свою светящуюся указку и хотела начать рассказ о страшных событиях, изображенных на картине, как Тимка стал громко икать в тишине зала. В глазах девушки-гида заиграли злые огоньки. Она сощурила на Тимку глаза. Они совсем изменили ее лицо, словно кто-то нарисовал тоненькой кисточкой две узкие полосочки на ее бледном лице.

– Так страшно же, – виновато сказал Тимка.

Маленькая девочка лет пяти в сиреновом платьице с гигантским бантом накуксилась и решительно собиралась заплакать. «Только не это!» – подумала девушка-гид и срочно увела детей к другой картине.

А за группой детей неотступно следовала очень странная и очень загадочная личность. Личность эта была в золотистом платье с рисунком из перьев, а на голове имелась фетровая шляпа с золотым перышком с крупной жемчужиной. Жемчужина на шляпе таинственно переливалась будто реагировала, как эквалайзер, на голоса вокруг. Эта личность все время наблюдала за группой, но не приближаясь к ней, явно желая остаться незамеченной. Но мы-то с вами ее заметили! Однако лица этой личности было не видно, оно скрывалось под широкими мягкими полями шляпы. Лишь загадочная улыбка блуждала на бледно-розовых губах. Ох, уж как улыбаются женщины! Только они так умеют улыбаться. И никогда не поймешь, что скрывает ее таинственная улыбка. Так, например, улыбается женщина на известной картине «Мона Лиза» художника Леонардо да Винчи. Даже, если прочесть самые толстые книги в самой большой в мире библиотеке про самую большую коллекцию женских улыбок, все равно ни за что не понять, о чем улыбаются женщины.

Но вот группа детей остановилась у новой картины.

– А сейчас я вам расскажу о замечательной картине Исаака Левитана «У омута», – начала девушка-гид. – Картина была написана в 1892 году. И посмотрите, как интересно. Не сразу заметно, что вода слева и справа от моста разная. Слева она взволнована мелкой волной, будто ее потревожил ветер, а справа она спокойна и безмятежна. Автор хотел сказать, что у человека всегда есть выбор по какому пути идти: мятежному или спокойному. Теперь я покажу вам необыкновенный оптический фокус. Если мы с вами подойдем к левому краю картины, то

увидим, что мост повернет за нами и будет смотреть прямо на нас. А если вновь вернемся к правому краю, то мост снова будет смотреть на нас.

Гид, стуча каблуками, направилась к левому краю картины. Детишки послушно засеменили за ней. Гул восхищения волной прошел по взволнованной группе юных исследователей прекрасного. Мост действительно смотрел на зрителя, где бы тот не оказался. И только Даша, которую явно этот оптический фокус не интересовал, уныло плелась за Тимкой. А Тимка старательно наступал на пятки маленькой девочке в сиреневом платье. Девочка от обиды плюхнулась на пол и, наконец, громко разревелась. Да, бывают такие девочки, которым дай только повод, хоть самый маленький. И, как правило, – а правила в этом они всегда соблюдают – чем меньше девочка, тем громче слезы. Одновременно с этим событием среди детей произошла маленькая революция: они начали бегать от левого края картины к правому и обратно, проверяя теорию моста. Девочка заголосила еще громче. И совершенно никто уже не слушал девушку-гида. Теперь стало совершенно очевидно, что она не замедлит воспользоваться той кнопкой, на которой мигала зловещая надпись «Смотритель порядка». Что девушка-гид и сделала. Из-за угла показался человек большого роста, в черных очках и черном костюме. «Пора», – подумала Даша. Она дернула Тимку за рукав, и они оба нырнули вниз во взволнованную гущу детишек. Пробираясь среди метущихся ножек в ботиночках, кроссовках и туфельках, брат с сестрой метнулись в ближайшую арку. Она вела в другой зал.

Беглецы шумно пробежали по залам, пугая посетителей. Свернули в другой зал, потом – в арку, проскакали вниз по лестнице, и – в новый зал. Залы галереи были похожи на лабиринт и замысловато переходили один в другой. Запутаться и заблудиться можно было очень легко, но только не той таинственной личности, что следила теперь за бегством этой парочки. Похоже, она очень хорошо была знакома с этим лабиринтом. Вот и теперь она тихо прошла мимо наших героев и уверенно направилась к небольшой двери с надписью «Посторонним вход воспрещен. Техническое помещение». Она слегка коснулась ручки двери, словно ласково погладила ее; дверь тут же поддалась и приоткрылась. Личность, шурша золотистым платьем, ушла. А Тимка с Дашей окончательно запыхавшись, остановились перевести дух у одной картины. И была эта картина Ивана Шишкина «Дебри». На полотне в сумеречном сосновом лесу был крутой склон, покрытый старым мхом, и лишь небольшая полоса света освещала старые валуны; а за ними была непроглядная темень бора.

– Эх, погулять бы там, – мечтательно протянул Тимка.

– Тебе туда нельзя, ты там все испачкаешь.

– Чего это я все испачкаю? Тут и так все уже испачкано... красками.

– Испачкаешь, значит, чем-нибудь другим. Тебе это несложно.

– Это чем же? – Тимка сосредоточенно рассматривал картину и пытался прикинуть, чем же он мог бы тут все испачкать? И вот тут-то он увидел нечто странное и совсем необъяснимое. Несколько веток сосен на картине шевельнулись. Тимка подошел ближе к картине и увидел птицу. Живую птицу! Она перелетела с ветки на ветку и посмотрела прямо на Тимку. Птица была вся золотая: с золотыми перьями, на каждом перышке по жемчужине, а на голове была причудливой формы золотая шапочка с золотым пером. И у птицы была человеческая голова! И надо сказать, необычайно красивая. Птица сверкнула перьями и скрылась в густой тени сосен.

– Ты видела!? Ты видела птицу? На картине! – Тимка почти закричал.

– Ничего я не видела, а вот гида вижу. Нагнала ищейка. Куда бы спрятаться? – Даша вертела головой по сторонам, ища укрытия, но Тимка нашел быстрее. Он кинулся к той самой приоткрытой двери с надписью «Посторонним вход воспрещен».

– Ты с ума сошел! Туда нельзя! – засуетилась Даша. Но Тимка, возбужденный приключением с погонями, был неумолим, и Даша, крадучись поспешила за ним. Эх, никогда не надо заходить в двери с надписью «Посторонним вход воспрещен»! Вдруг там что-то совсем посто-

роннее? Ведь никогда не знаешь, что тебя ждет даже за обычной дверью, а тут была предостерегающая надпись. Но наши герои уже шмыгнули в дверь и через щель приоткрытой двери стали наблюдать, как встревоженная девушка-гид бегала по залу, ища беглецов. И тут снова мелькнула тень таинственной фигуры в золотистом платье. Она прошла мимо двери и... захлопнула ее. Наступила полная темнота!

– Нас схватят и посадят в тюрьму! – заворчала в темноте Даша. – Но сначала тебя посадят в сумасшедший дом.

– Да куда нас не посадят. Если только в горшок с цветами. Ведь мы же цветы жизни. Но папа все равно забудет поливать. – Тимка шумно рылся в рюкзаке – Во! Фонарь нашел!

Тимка осветил фонариком место. О, боже! Никакой двери! Они сидели в маленьком замкнутом пространстве, похожим на черную коробку.

– Не понял. Здесь только что дверь была, – Тимка встал и ударился головой о потолок.

– Как это была? А теперь что? Ее нет? – Даша тоже встала и тоже ударилась. – Нет, этого не может быть, потому что этого быть не может!

Даша стала судорожно шарить по стенам руками, ища дверь. Но, ведь если нет двери, то, как ее можно найти, хотя бы даже и руками. Даша не верила своим глазам. А как ты им не поверишь? Нет двери и все! Вдруг коробка дернулась и куда-то поехала, ощущение было такое, что поехала вверх.

– Это что это? Это куда это? – уже не на шутку испугалась Даша. – Я не хочу никуда ехать!

Тимка застучал кулаками по стенам коробки:

– Эй, кто-нибудь! Спасите нас! Мы зде-е-е-есть!

Но коробка набирала скорость, и началась даже легкая вибрация, какая бывает при очень больших скоростях.

– Может это лифт? – неуверенно спросил Тимка.

– Лифт без двери? И Третьяковка что... находится в высотном здании? – разозлилась Даша.

Вдруг коробка дернулась и остановилась. Послышался щебет птиц и шум ручья.

– Ты слышишь это? – от страха шепотом спросила Даша.

Легкое потрескивание пробежало по стенкам коробки. Швы коробки засветились, и стенки раскрылись, словно цветок. От коробки прочь вспорхнула испуганная птичка.

Дети стояли на раскрытой коробке на большом мшистом валуне, на крутом склоне дремучего соснового бора. Склон уходил глубоко вниз и терялся в темных тонах могучих деревьев. Брат и сестра озирались по сторонам, не веря своим глазам.

– Да мы в картине! Той самой, где я птицу увидел! – вскрикнул Тимка. – Смотри!

Тимка указал куда-то вверх. Даша посмотрела туда и увидела за макушками деревьев огромный зал Третьяковской галереи, будто крошечный лес, в который они попали, находился внутри огромного зала. Люди казались великанами, а могучие сосны были для них просто карандашами! Люди ходили очень медленно по залу, как в замедленном кино. Через минуту наплыли рисованные облака и скрыли зал галереи из виду. Даша схватилась за телефон, но сигнала, конечно же, не было... Тимка решился спрыгнуть из раскрытой коробки. Хватая мох руками, трогая стволы деревьев и дергая за ветки, Тимка воскликнул:

– Это краски! Тут все нарисовано! Вот это да!!!

Но Даша боялась сойти с коробки, теперь она ей не казалась такой страшной. Казалось, что это единственное безопасное место.

– Но этого не может быть никогда! Мы не можем быть в картине, – шептала Даша, оглядываясь вокруг. Темный лес ее пугал.

– Да, но мы здесь! – похоже, Тимке не было страшно, он был в восторге.

Злость Даши была настолько велика, что она все же спрыгнула с коробки и сильно толкнула брата.

– Все из-за тебя, Малевич квадратный.

Тимка упал. Из рюкзака выпал его блокнот и зашелестел листами, словно они были живые. Даша с Тимкой замерли. Из-под листа показалась зеленая лапка, как у кошки, затем другая, и еще одна, и еще одна. За ними вылез, кряхтя, зеленый человечек с одним глазом. Обнаружив одиночество глаза, он запустил лапу в блокнот, пошуршал листами, и достал свой второй глаз. С чмокающим звуком глаз был установлен на место, но, видимо, не совсем удачно – теперь один глаз его косил. Брат с сестрой, онемев от изумления, смотрели на человечка.

– Я что голый? – вдруг заговорил человечек и прикрыл лапками верх и низ, как это обычно делают барышни, узнав, что они обнажены.

– Нет. Ты... зеленый, – едва выговорил Тимка. – Это что я тебя нарисовал?

– Это ты меня об этом спрашиваешь? – ответил тот и посмотрел масляными глазами на Дашу. – А кто эта прекрасная леди?

– Это моя сестра Даша... и твоя будущая жена, – засмеялся Тимка.

Человечек сменил зеленый цвет на алый и затем снова на зеленый, и сладко зажмурился.

– А ты мне очень нравишься, Даша, – промурлыкал человечек.

– Ты мне тоже... но не очень, – сухо ответила Даша.

– Позвольте представиться, я Пруф, – человечек принял торжественную позу.

– Это что за имя такое дурацкое? – Даша поморщилась.

– Обидно слышать, – отозвался человечек. – Пруф – это доказательство. Ссылка на достоверный источник. Например, в компьютерных играх пруф требуется, чтобы подтвердить или опровергнуть игровую информацию.

– Мы что в компьютерной игре? – воодушевился Тимка.

– Не уверен. Скорее нами кто-то играет, – ответил Пруф, оглядывая лес.

И тут разговор прервал звук хлопающих крыльев. Все обернулись и увидели золотую Птицу.

– Ну, и как вам фокус? – пропела красивым голосом Птица.

Она сидела на раскрытой коробке. Птица уже не была такой маленькой, какой ее увидел Тимка на картине, а даже наоборот – она была намного больше, чем дети, и сверкала как тысячи солнц. Пруф, увидев огромную птицу, от страха нырнул в пушистый мох и зарылся поглубже. На поверхности мха остались только глаза, словно две голубые ягодки с черными точками. Одна из них сильно косила.

– Теперь вы находитесь в картине Ивана Шишкина «Дебри», – торжественно озвучила Птица. – Добро пожаловать в мир прекрасного!

– Ты кто? – робко поинтересовалась Даша.

– Кто, кто. Турук Макто. Живу я тут. Но в вашем мире тоже бываю. Это я вам дверку приоткрыла – Птица улыбнулась, сверкнув рядом жемчужных зубов. – Я лучший гид по картинам. Хотите, проведу настоящую экскурсию? Бесплатно, по знакомству.

Дашу все это стало серьезно беспокоить. От природы она была девочкой нерешительной и пугалась всего неизвестного. А здесь совсем все непонятно: этот темный лес, мох, валуны и какие-то странные птицы, которые почему-то себя называют Турук Макто. «Это же из фильма «Аватар»!» – Даша вспомнила, кем был Турук Макто в фильме, и ей стало совсем не по себе. Ей хотелось обратно в привычный, не нарисованный мир.

– Лучше по знакомству верни нас обратно в галерею! – решила потребовать Даша.

Но Тимка был иного мнения:

– Да ты что? Зачем? Я хочу экскурсию!

Даша занервничала еще больше, и чтобы как-то себя успокоить, вновь достала успокоительный гаджет – свой телефон. Но телефон по-прежнему безмолвствовал.

– Здесь нет вайфая! Почему здесь нет вайфая!? – теряла всякое спокойствие Даша.

– А почему он здесь должен быть? – ответила вопросом Птица.

– Потому что вайфай есть везде! Он мне нужен!

– Ну, мне, предположим, он совсем не нужен, – молвила Птица. – И вывести вас в галерею отсюда я не могу. Нужно перейти в другую картину. Но я обещаю вам – мы пойдем интересной дорогой.

– Ну, так веди! – крикнула рассержено Даша и даже топнула ногой.

Пруф выскочил из мха как ошпаренный, испугавшись быть раздавленным сердитой Дашиной туфелькой. Оказавшись в непосредственной и пугающей близости огромных когтей Птицы, он так испугался, что один его глаз упал на мох. Пруф подхватил упавший глаз, и метнувшись к рюкзаку, запрыгнул в карман и застегнул ремешок.

– Вперед! – крикнула Птица и полетела вглубь леса. Делать нечего. Брат с сестрой пошли за Птицей, пробираясь сквозь дебри Ивана Шишкина и вышли в другую его картину “Корабельная роща”. Все было здесь необыкновенно и чудно! Ветки высоких сосен слегка покачивались от ветра, который где-то очень высоко за макушками деревьев играл с облаками. Журчала речушка, а солнечный свет перебегал с одной сосны на другую, подкрашивая то тут, то там в разные золотистые оттенки стволы и ветки, будто на них невидимая кисть добавляла новые мазки краски. И все – как живое!

Долго ли, коротко ли шли Даша с Тимкой по густому лесу, как вдруг таинственную тишину нарушил сильный хруст. Напуганные шумом, дети остановились. Звук ломающихся веток стремительно приближался. Из темной чащи выскочил серый волк, на спине которого сидели Иван Царевич и Царевна. Они промчались мимо, даже не посмотрев на детей.

– Я знаю их! – сказал Тимка. – Это Иван Царевич и его Царевна. Я в книжке видел.

– Да, кажется... но их же не было в этой картине? – прошептала ошеломленная Даша, глядя, как они растворяются среди стволов деревьев темнеющего бора. И тут дети заметили, что исчезла и Птица. Ее нигде не было. Зато на поляне в метрах пятидесяти они увидели старичка. Он стоял на фоне леса посреди старых корней сосен, торчащих из земли, и опирался на посох. Он как-то хитро поглядывал на детей. Даша и Тимка с опаской подошли к старику.

– Здравствуйте, дедушка. Вы кто? – звонко спросил Тимка.

– Здравствуйте, детки. Я колодник, – ответил старик, улыбаясь.

– Это что такое колодник? – поинтересовался Тимка.

– Колодник-то? У пчелок медок собираю в колодном хозяйстве.

Даша подошла поближе:

– Дедушка, скажите, пожалуйста, а что это за лес? Где мы?

– Так графини Мордвиновой лес-то. И колодное хозяйство ейное. А вы перешли в новую картину Шишкина, которая так и называется: «В лесу графини Мордвиновой», – старик хитро сощурил один глаз. – А вы сами-то откуда будете? И одни почему? И одеты вы странно...

– Да вот... мы тут немножко заблудились. А сами из Москвы мы, – сказала Даша и встала еще чуть ближе.

– Ох, ладно-нескладно, это что ж... Пешком? До Петергофа? Одни! – старик помотал головой и сощурил другой глаз. – Ладно-нескладно, пойдемте, накормлю хоть.

– Но мы не знакомы... как же мы пойдем с вами? – встревожилась Даша.

– Видимо, с лесом этим хорошо знакомы, – усмехнулся старик и двинулся вглубь нового леса, который был еще темнее дебрей Шишкина. И снова нет выбора. Пришлось идти за новым проводником. Но лес быстро закончился, и яркое солнце смело обозначило край другой картины. Новая картина весело гудела пчелами. Шумели пчелы у колодок, – высоких круглых пчелиных домиков, сделанных из куска бревна с дуплом для пчел. У колодок сидел другой старичок, наверное, тоже колодник. Пчелы кружили и жужжали в пышных белых облаках цветущей вишни, раскинувшейся прямо рядом с колодками. А за невысоким холмом блестела река. Над ней устроили звонкую перекличку ласточки.

– Ух, как красиво! – восхитился Тимка.

Колодник ласково глянул на мальчишку:

– Конечно, красиво. Матушка природа богата на красоту-то. А художник богат талантом. Если, конечно, не разменял его на монету. Бывает так: чем больше монета, тем меньше талант. Монета имеет талант растворять талант художника.

– А вот интересно, зачем художник пишет картины?

– А зачем ты дышишь?

– Как это? Я не могу не дышать.

– А художник не может не писать.

– А кто-то не может не болтать, – угрюмо ворчала Даша, идущая позади.

– А что это за картина? – не унимался Тимка.

– Художник такой был. Алексеем Саврасовым звали, – ответил старик. – А картина называется «Сельский вид».

– А почему так странно назвал? Вид...

– Ну, видимо, так ему виделось, – старик продолжал хитро улыбаться.

Новый знакомый привел детей в шалаш, что стоял около пасеки, и усадил их на чурбачки. Большой чурбан стоял посередине и служил столом. На нем стояла глиняная миска, полная медовых сот, и лежал белый ноздреватый хлеб. Пряный аромат меда заполнял шалаш, и казалось, даже окрашивал все вокруг золотистым цветом. Дети накинулись на мед.

– Вот чудеса! Мед-то настоящий хоть и рисованный. Сладкий... – облизывая, стекающие по пальцам янтарные капли, произнес Тимка и набил полный рот меда.

Даша от него не отставала. Она очень любила сладкое. Да и Пруф уже не мог усидеть в кармашке рюкзака. Он залез в миску с сотами и слизывал сразу с четырех лап янтарное лакомство.

Старик внимательно наблюдал за ними и шурил то один, то другой глаз:

– Вот, смотрю на вас и думаю. Идете из Москвы, одежда ваша не запылена и вид у вас не здешний. Опять же клякса какая-то из рюкзака вылезла... явно не здешняя. Ох, ладно-нескладно, вы что же, в картину случайно попали?

– Да. Случайно. Только вот сами еще никак поверить в это не можем, – сказала Даша и опустила руки с кусочком сот. Мед стал капать на земляной пол, на который тут же прилетели лентяйки осы.

– И кто же это вас провел в картины? – понизив голос, спросил старик.

– Птица какая-то. Только она пропала куда-то, – ответил Тимка, скатывая большой шарик из воска, оставшийся от лакомства, после чего бережно спрятал его в рюкзак.

– Ишь ты... птица-огница, значить. Все еще водит, непоседа, – старик покачал головой. – И не пропала она. Прячется. Перья у ней золотые. Людей боится горемычная. Поймают, не отвертеться ей. Людская ведь жадность никаких волшебств не боится. Эх, ладно-нескладно, погодите-ка.

Старик вышел из шалаша и стал кликать своего сына:

– Сенька! Лодырь, опять спишь? А ну, иди сюда. Отвези мальцов в город к Никитке сказителю. Пущай поможет им выбраться из картин.

Послышался сонный ответ за шалашом:

– Ладно, батя. Иду.

Старик принес в шалаш одежду:

– Оденьте-ка вот это. А то в ваших кафтанах до беды недалеко. Слишком вы не похожи на обычных ребят. И вот что скажу вам, ребяташки, будьте внимательны тут, в картинах-то. Тут не так все, как в вашем мире. Потеряешь внимательность – потеряешь дорогу, а то и голову.

Дети послушно стали надевать принесенную одежду. Однако свои кроссовки Тимка не стал менять на лапти. Появился Сенька. Это был рослый парень лет восемнадцати, с застрявшей в волосах соломой и веснушчатым лицом, словно его обрызгали оранжевой краской. Он и

повел ребят на берег реки через заросли малины. Тимка успел нарвать ягод и покидать сладкую малину в рот. Не отставал и Пруф. Сидя в кармашке, он ловко хватал ртом ягоды прямо с веток, что хлестали его то справа, то слева. Он уже стал малинового цвета, но остановиться не мог. Даже сердитые пчелы его не пугали.

– Никак не пойму, если все тут нарисовано, то, как это... песок греет? – Тимка потрогал песок руками. – И как мед мы ели? И малина... и вода вон... настоящая.

Вышли на берег. Берег оказался границей новой картины, о чем можно было судить по новому освещению в картине и совсем другой манере письма. Художник по-своему работал кистью: местами плотный, а местами прозрачный мазок, иногда казалось даже неряшливый; он создавал глубокие тени в кустах и деревьях, там чудилась прохлада. А стены монастыря, что празднично белели на другом берегу, щедро отдавали обратно небу полученное за день тепло. И была эта картина художника Исаака Левитана «Вечерний звон». В картине ласково плескалась вода у берега, у которого покачивались две лодки. В одной дремал лодочник, вторая поджидала наших путников. По реке мимо плыла еще одна большая лодка, в ней сидели крестьяне и пели. Наверное, они возвращались домой после трудового дня. Нагретый песок проваливался под ногами. Дети сняли обувь, и пошли босиком по песку. Пруф посапывал в кармашке, забывшись сладким малиновым сном.

– Не зашел бы в ту дверь, не были бы сейчас тут. Как выбираться-то домой, подумал? – упрекнула сестра.

– А я не хочу выбираться. Мне и тут нравится. И потом... у нас ты думаешь. Вот и думай, как выбираться.

Даша закусила губу. Она не имела никакого представления как выбираться. Одно дело, лежа в кровати и нежась на солнышке, представлять себе разные истории, совсем другое попасть самому в историю.

Дети залезли в лодку. Сильные Сенькины руки ее качнули и оттолкнули от берега. Он ловко запрыгнул в лодку, и поплыли путники за уходящим, но все еще пылающим жаром солнцем.

Все дальше и дальше от дома...

Тягучими звуками звенел в воздухе колокольный звон монастыря, приглушенный жарой, будто воздух был настолько плотным от жары, что не пропускал звуки. А может это плотная краска не пропускала звук? На берегу подглядывали за путниками из-за густых деревьев, монастырские стены. Купола монастырского храма, дрожа, отражались в воде, словно плыли за лодкой любопытные зеленые рыбки. Жара. Все замерло. Слышно только плеск весел. Сенька загнусавил какую-то песню, в которой было слишком мало слов, – только и слышно было «ох», да «ах». От Сенькиной монотонной песни захотелось спать. Сколько времени прошло в пути, никто уже не задумывался. Лодка ударилась о берег и, уснувшие дети, разморенные солнцем, проснулись.

– Все. Дальше сами пехом. Нет дальше воды. Вона по той тропинке идите на ярмарку. Прямохонько, без заковычек. Там спросите Никитку Богданова сказителя. Он дальше вас и направит. А мне к батюшке пора, – сказал Сенька, высаживая детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.